

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(8)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

А. А. ГИППИУС

СОЧИНЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: ОПЫТ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ. II*

§ 16. Полагая, что элемент автобиографии с самого начала присутствовал в «Поучении», мы должны теперь рассмотреть вопрос: что представляла собой автобиографическая часть исходного текста (ПВМ1)¹ и какие изменения она претерпела на последующих этапах его формирования?

Приступая к рассказу о своей жизни, Мономах собирается описать свои «пути и ловы». Можно не сомневаться, что описание «ловов», как и описание «путей», читалось в ПВМ1 — ведь именно этот эпизод напрямую связывает «Поучение» с «Заветом Иуды» как его литературным образцом. С другой стороны, такая формулировка программы автобиографии делает более чем вероятным, что перечень миров, заключенных Мономахом с половцами, а также отпущенных и убитых им половецких князей, в первоначальном тексте отсутствовал. О том же говорит и содержание этого фрагмента: большая часть перечисленного в нем явно относится ко времени после 1101 г., когда русскими князьями был одержан ряд крупных побед над степью. Поставленный вопрос поэтому фактически сводится к тому, в каком объеме читалась в ПВМ1 «летопись путей» Мономаха (далее — «Летопись»).

После всего сказанного ответ на этот вопрос может показаться лежащим на поверхности: в исходном тексте «Поучения», написанном Мономахом зимой 1099/1100 или 1100/1101 г. по пути в Ростов, «Летопись» заканчивалась упоминанием самой этой поездки, т. е. словами *се нынѣ иду Ростову*. Именно так представлялось дело М. П. Погодину, считавшему продолжение «Летописи» вставкой позднейших переписчиков. По мысли А. А. Шахматова, это продолжение (начиная со слов *И пакы с Стополкоꙗ гонихоꙗ по Боллцѣ*) принадлежит Мстиславу Владимировичу, в окружении которого создавалась в 1117 г. третья редакция «Повести временных лет», включившая отредактированный текст «Поучения» [Шахматов 1916: XXXIX].

* Начало см. в: Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-0400245а.

¹ Согласно выводам, к которым привел нас анализ композиции «Поучения» и содержащихся в нем датирующих указаний, сложение текста памятника прошло три этапа, которые мы обозначаем соответственно как ПВМ1, ПВМ2 и ПВМ3. Первые два этапа мы относим к 1099—1101 гг., третий датируем 1117 г.

Развиваемое нами представление об истории текста «Поучения» заставляет сомневаться в справедливости такого решения. Согласно нашей реконструкции, «Поучение» в его исходном виде обладало ясной и хорошо продуманной композицией. «Летопись», хаотически сочетающая однообразное перечисление путей с обрывками более подробных воспоминаний, в эту композицию вписывается плохо даже с усеченным окончанием.

Исходя из этого общего ощущения, попробуем найти альтернативное решение вопроса, оперевшись на такой нейтральный инструмент, как анализ языковой организации текста.

В текстах такого типа, как наш, т. е. представляющих собой описание последовательности однородных действий в прошлом или простое их перечисление, организующая роль принадлежит синтаксическим и лексическим соединительным средствам (коннекторам), при помощи которых осуществляется переход от одного пункта к другому. В «летописи путей» основными коннекторами являются: 1) союзы *и*, *а*, *та*, *то* и; 2) наречия *пакы*, *по томь*; 3) разного рода хронологические формулы (*на зиму*, *той же зимѣ*, *по Велицѣ дни* и т. д.). К ним можно добавить 4) лексический повтор (...*Смоленску*, *а из Смоленска*...) и 5) местоименное наречие *оттуда*. Эти элементы могут выступать в различных комбинациях. Так, сообщение о поездке из Смоленска в Ростов может быть оформлено более чем десятью способами: **И Ростову идохъ*. **Та идохъ Ростову*. **То и пакы идохъ Ростову*. **И потомъ идохъ Ростову*. **И пакы идохъ Ростову*. **И потомъ пакы идохъ Ростову*. **И-Смоленска идохъ Ростову*. **Оттуда идохъ Ростову*. **И на зиму идохъ Ростову*. **И пакы на зиму идохъ Ростову* и т. д.

Рассматривая «Летопись» Мономаха с точки зрения состава используемых коннекторов, можно заметить, что некоторые из них (как союз *и* или наречие *пакы*) распределены по тексту относительно равномерно, в то время как другие представлены лишь на определенных участках текста. По данному признаку выделяются прежде всего две непересекающиеся зоны. В первой ведущими коннекторами являются союзы *та* и *то*. *Та* встречается 10 раз в интервале [7—23]², *то* — 5 раз (из них 4 в сочетании *то и*)³ в интервале [4—20]. Таким образом, области употребления этих союзов в целом совпадают; вместе они очерчивают компактный интервал [4—23], занятый перечислением путей с 1068 по 1078 г. За пределами данного интервала эти союзы в «летописи путей» не встречаются и вообще принадлежат к числу редких в древнерусских памятниках: большинство примеров у Срезневского взяты из Мономаха.

² Текст автобиографической части «Поучения», разделенный на содержательные фрагменты, приведен в Приложении III. При ссылках в скобках указываются номера фрагментов.

³ Единственный раз без *и* этот союз представлен в [5]: *то и-Смолинська*, однако данное исключение лишь подтверждает правило: отсутствие *и* здесь явно объясняется фонетическим слиянием союза с предлогом *из* (который, в свою очередь, фонетически сливается с существительным). Это позволяет рассматривать *то и* у Мономаха как одну синтаксическую единицу.

Существенно более протяженной является вторая зона, в которой в качестве главного коннектора выступает (15 раз) сочетание *и по томь* [38—77]. Нижнюю временную границу этой зоны определить трудно: походы, перечисляемые в этой части текста, по ПВЛ неизвестны, но, вероятнее всего, относятся к первой половине 1080-х гг. Последний из упоминаемых таким образом путей — это поход на Ярослава Святополчича 1117 г., которым заканчивается «Летопись».

Примечательно, что отрезок текста, разделяющий зону «та~то» и зону «по томь», также имеет присущую только ему примету: ею является сочетание *на ту зиму (осень)*, четырежды встреченное в интервале [24—32]. Легко заметить, что начало этого интервала в точности совпадает с концом зоны «та~то», конец же его отделен от начала зоны «по томь» фрагментом [33—37], занятым подробным рассказом о походе на половцев к Прилуку и Белой Веже. Таким образом, фактически «Летопись» членится на три непересекающихся, но в то же время плотно подходящих один к другому отрезка. Обозначим их соответственно как зоны «А», «В» и «С». Последнюю имеет смысл разделить на отрезки «С1» и «С2», проводя границу между ними после фразы *Се нынѣ иду Ростову*.

От сочетаний *на ту зиму (осень)*, представленных исключительно в зоне «В», необходимо отличать, с одной стороны, обороты без местоимения *на зиму, на лѣто*, а с другой — обороты с отождествительным *же* — *той же зимы, томь же лѣтѣ, в то же лѣто* и т. д., характерные для языка летописания. Первые встречаются в разных местах «Летописи», тогда как формулы «летописного» типа представлены только в зонах «А» (4 раза) и «В» (1 раз) и полностью отсутствуют в зоне «С». Отметим также, что на зону «А» приходятся оба случая употребления в «Летописи» наречия *оттуда*.

§ 17. Что стоит за этой весьма выразительной, как представляется, картиной? В принципе, ее можно трактовать как результат сознательного или же непровольного чередования приемов в единовременно созданном тексте — такая точка зрения уже высказывалась в литературе. На изменения в составе сочинительно-начинательных союзов на протяжении «летописи путей» обратил внимание Б. А. Ларин, заметивший по этому поводу, что «Мономах употребляет разные союзы для стилистического разнообразия» [Ларин 1975: 143]. Такая точка зрения, однако, исходит из презумпции текстологической цельности «Летописи», которую мы не разделяем; с другой стороны, ссылка на «стилистическое разнообразие» в качестве основного фактора вариативности представляет собой в отношении средневековых текстов ничем не обоснованное допущение.

Отмеченные различия можно было бы объяснить в духе гипотезы Б. А. Рыбакова, видевшего в «летописи путей» Мономаха именно летопись, писавшуюся «от одной надобности к другой», в несколько этапов. Исследователь объединяет «пути» Мономаха в шесть хронологических групп, полагая, что первый раз Мономах «подвел некоторые итоги, когда утвердился в Чернигове в 1078 г.» [Рыбаков 1963: 271]. Тот факт, что с этим хронологическим рубежом совпадает конец нашей зоны «А», казалось бы, отлично согласуется с данным предполо-

жением. Однако гипотеза Б. А. Рыбакова не объясняет имеющихся в тексте «Летописи» хронологических противоречий и содержательных дублировок, на которых мы остановимся ниже и которые, на наш взгляд, весьма ярко показывают, что «Летопись» Мономаха, не представляя собой единовременно созданного текста, в то же время не является и результатом простого накопления автобиографических записей, но устроена более сложно. Как отражение этого устройства и следует, по-видимому, рассматривать описанную выше языковую картину.

Попробуем интерпретировать эту картину в рамках развиваемого нами представления об истории текста «Поучения» в целом. Отказавшись признать входившим в ПВМ1 весь текст «Летописи», заканчивающийся словами *се нынѣ иду Ростову* (т. е. текст зон «А», «В» и «С1»), мы ищем в пределах этой части «Автобиографии» фрагмент, который по своим литературным характеристикам мог бы претендовать на эту роль. Не является ли этим фрагментом зона «А», охватывающая события 1068—1078 гг. и построенная при помощи коннекторов *то и* и *та*?

Из этих союзов особенно примечателен второй. В отличие от *по томъ*, определяющего специфику зоны «С» и придающего тексту характер простого перечня, *та* является приметой разговорного дискурса, чем и объясняется его редкая встречаемость в книжных текстах (ср., между тем, совр. укр. *та*). Помимо «Поучения» данный союз систематически представлен только в Ипатьевской летописи (см., например: *И поидоша туда на вятичѣ, и тако взяша та, та на Мценскѣ, ѿтуда же идоша на Спашь, та на Глуховѣ* 1152 г., л. 164); один раз, в контексте с прямой речью, он зафиксирован в Синодальном списке НПЛ (*а вы роздравше, та прочь* 1228 г., л. 105); находим его и в новгородской берестяной грамоте №109 (XI/XII): *а се ти хочю, коне коупивъ и кнѣажъ моружъ въсадивъ, та на своды*.

Особенно близок к «Поучению» следующий контекст из Ипат. (1159 г., л. 179 об.): *Кнѣгини же бѣжа к зѣти Глѣбови Переяславлю и ѿтоудѣ ѿха на Городокъ, та на Глѣблѣ, та на Хороборѣ, та на Ропескѣ*. Ср. у Мономаха: *Та ѿтуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову* [12]; *Тѣм же путѣмъ по Всеславѣ, пожегъ землю и повоевавъ до Лукамла и до Логожьска, та на Дръютскѣ воюга, та Чернигову* [23]. Как в Киевской летописи, так и в «Летописи» Мономаха повторением союза подчеркивается быстрота перемещений, осуществляемых одно за другим, почти без остановки. Именно к этому эффекту и стремился автор, развертывая перед читателем «Поучения» картины собственной жизни как образцы неустанного княжеского труда — *на воинѣ и на ловѣхъ, ночь и днь, на зною и на зимѣ, не дати собѣ оупокота* [251. 24—26].

За пределами зоны «А» мы не находим в «летописи путей» ничего похожего: за редкими исключениями (о которых см. ниже) «пути» более не объединяются в блоки, но перечисляются по отдельности. Здесь перед нами перечень с вкраплениями нарратива, тогда как в зоне «А» нарративное начало господствует. Заключаем на этом основании, что зона «А» «Лето-

писи» Мономаха как раз и представляет ту ее часть, которая читалась уже в ПВМ1, т. е. входила в «Поучение» с момента его создания.

Как часть первоначального «Поучения», этот фрагмент должен был обладать относительной композиционной завершенностью. Напомним, что зона «А» заканчивается описанием похода 1078 г., в котором Мономах после гибели Изяслава Ярославича получил черниговский стол. Заканчивают эту часть текста только что процитированные слова: *та на Дрьютьскъ воюга, та Чернигову* [23].

Полагаю, что прямым продолжением этих слов в ПВМ1 был пассаж, которым «летопись путей» заканчивается и в ее окончательном виде: *А и-Щерьнигова до Кыева нестишь ѳзди^ѣ ко ѿцю, днемь есмь переѳздишь до вечерни. А всѣ^ѣ путии ·п· и ·г· велики^ѣ, а прока не испомню менши^ѣ* [78, 79]. На ее нынешнем месте фраза о поездках к отцу из Чернигова не обнаруживает никаких связей с предшествующим текстом, тогда как предлагаемая реконструкция эту связь восстанавливает (...*та Чернигову. А и-Щерьнигова...*)⁴.

Общий счет «путей» в исходном тексте должен был быть, естественно, иным. Однако, какой бы ни была эта цифра, чтобы получить ее, Мономаху нужно было составить письменный перечень своих походов. Именно в этом вспомогательном перечне, не решавшем никаких литературных задач, и использовалась, как можно думать, модель *и по томь*. Этот перечень и должен был заканчиваться фразой *се нынѣ иду Ростову*.

Характерно, что состав используемых коннекторов не претерпевает на этом рубеже никаких изменений. Можно думать, что при редактировании «Поучения» в 1117 г. перечень 1099/1100 г. был продолжен, чтобы получить актуальное число «путей». Однако, в отличие от первого этапа сложения текста, на данном этапе дополненный перечень сам послужил текстуальной основой продолжения «Летописи», подвергшись при этом определенной литературной обработке. Предполагать такую обработку заставляет бросающаяся в глаза литературная гетерогенность этой части текста — в рамках нашей реконструкции она может быть объяснена чередованием фрагментов, восходящих к вспомогательному перечню и вышедших из-под пера редактора 1117 г.

§ 18. Анализ соотношения фрагментов этих двух типов удобнее начать с зоны «С2», т. е. заключительной части «Летописи», охватывающей походы, совершенные Мономахом после поездки в Ростов, о которой он говорит в настоящем времени. Этот участок начинается упоминанием двух погонь за Боняком, не имеющих надежной хронологической привязки [63, 64]. Далее [65—69] в хронологическом порядке излагаются события с конца 1106 г. по начало 1108 г., большая часть которых описана в ПВЛ под 6615 г. (смерть «Гюргеовой матери» — второй жены Мономаха — 7 мая; победоносный поход на половцев

⁴ Косвенным подтверждением такой реконструкции может служить сходство этой «связки» с читаемой несколькими строками ниже в описании «ловов» Мономаха: *А се тружяхъ с лавы двѣта, понеже свдо^ѣ в Черниговѣ... а и-Щерьнигова выше^ѣ и до (се)го лѣта*. Вокняжение в Чернигове и здесь использовано как рубеж, отделяющий подробный рассказ об одном периоде жизни автора от суммарной характеристики другого.

за Сулу — 12 августа; мир с Аепой и женитьба Юрия на его дочери — 4 января; см.: [ПВЛ: 119—120]). Женив сына на дочери Аепы, Мономах, согласно «Автобиографии», направляется в Смоленск [69], оттуда — в Ростов [70]. Следующая фраза выглядит прямым продолжением предыдущей: *Прише^ѣ из Ростова, пакы идо^ѣ на половци, на Оурубѣ, с Стополко^м, и Бѣ ны поможсе* [71]. Однако за внешней связностью изложения кроется хронологический сбой: «Уруба», как неоднократно отмечалось, может быть лишь искаженной формой имени *Урусоба* — половецкий князь с таким именем был убит в ходе похода на половцев в 1103 г [ПВЛ: 118]. В этом можно было бы усомниться, если бы данное сообщение было единственным, нарушающим хронологическую последовательность. Между тем это нарушение продолжается и в следующей фразе: поход «на Боняка к Лубну» [72] с полным основанием отождествляется Ивакиным с уже названным походом «за Сулу» [68], описанным в ПВЛ под 6615 г.⁵

Такое расположение сообщений И. М. Ивакин [1901: 259] объяснял тем, что отдельные записи и группы записей были перепутаны местами самим Мономахом, в результате чего события в этой части «летописи путей» оказались описаны вне общей хронологической последовательности. Такую же путаницу Ивакин предполагал и еще в ряде мест «Летописи», считая, в частности, что погони за Боняком [63, 64] имели место в 1096 г. и лишь по недоразумению оказались описаны не на своем месте.

Принципиально иначе подошел к делу С. В. Цыб. Разбор хронологических показаний статьи 6615 г. ПВЛ на фоне относительной хронологии «Почтения» служит для исследователя отправным пунктом в глобальном пересмотре хронологии начального древнерусского летописания. По мнению С. В. Цыба, правильную последовательность событий отражает «Летопись» Мономаха, тогда как хронология ПВЛ в одной только статье 6615 г. демонстрирует совмещение «как минимум четырех систем учета времени» [Цыб 1995: 16].

На наш взгляд, соотношение текстов не дает никаких оснований для столь далеко идущих выводов. Доверие к относительной хронологии «Автобиографии» зиждется на представлении о текстологической однородности этого памятника, в действительности обладающего намного более сложной организацией.

Анализ структуры текста в зоне «С2» обнаруживает совмещение в ней двух совершенно разных нарративных моделей. Это, с одной стороны, уже знакомая нам модель перечня походов, построенного при помощи коннекторов *и по томь, и пакы*. Два других признака этой модели — отсутствие каких-либо хронологических указаний, а также смысловых переходов между отдельными пунктами перечня, которые бы представляли их как звенья

⁵ Данное упоминание лучше соответствует описанию ПВЛ, согласно которому половцы во главе с Боняком *сташа около Лубьна* [ПСРЛ 1962: 282]. Выше в «Летописи» Мономаха сказано, что Боняк *приде со всѣми половци къ Къснятиню* [68]. Можно не сомневаться, однако, что речь идет об одном и том же походе: упоминаемый Мономахом *Къснятинь* отождествляется с современным с. *Снітин* Лубенского р-на Полтавской обл. [Стрижак 1985: 76].

одной цепи. Таким образом устроены фрагменты [63, 64] и [72—77], т. е. начало данного участка и его заключительная часть.

На этом фоне выделяется фрагмент [65—71], построенный как связный рассказ о последовательности событий, включающей, наряду с «путями» Мономаха, также факты его семейной жизни — смерть жены и женитьбу сына. Связность этого рассказа создается лексическими повторами и использованием коррелянтных глаголов движения (*Смолинску идохъ. И-Смоленска... выидо^х...; Перетиславлю пришедъ... идохо^м... ис Перетиславля; идо^х Ростову. Прише^т из Ростова...*), а также введением в текст абсолютных хронологических указаний (*по Велицѣ дни, на лѣ^т, по Ржѣтвѣ*), отсутствующих во фрагментах первого типа.

Такое чередование нарративных моделей само по себе не свидетельствует о редактировании — оно может объясняться и колебаниями «масштаба» повествования в однородном по происхождению тексте. Однако сопровождающая его хронологическая и композиционная путаница вряд ли может быть истолкована иначе, как следствие неумелой редакции. Логику действий редактора несложно понять. Фрагмент [65—71] имеет своим композиционным центром поход на Сулу [68], тождественный походу «на Боняка к Лубну» [72]. По сути дела, он представляет собой расширенное описание победоносного похода 1107 г. в его ближайшем историческом и автобиографическом контексте. Исключив из текста фразы [65—70], а также начало фразы [71] (*Прише^т из Ростова...*), мы восстанавливаем хронологически последовательный перечень походов Мономаха с 1101—1102 гг. (которыми, вероятно, следует датировать безуспешные погони за Боняком [63, 64]) по 1117 г.:

И паки с Стѣполко^м гонихо^м по Боняцѣ, но ли ѡли оубиша, и не постигохо^м ихъ.

И пото^м по Боняцѣ же гонихо^м за Росъ и не постигохо^м ѡго.

[...]

[И] паки идо^х на половци, на Оурубѣ, с Стѣполко^м, и Бѣны поможе.

И пото^м паки на Боняка к Лубну, и Бѣны поможе.

И пото^м ходихо^м в воину с Стѣполко^м.

И пото^м паки на Донѣ идохо^м с Стѣполко^м и с Дѣдѣмъ, и Бѣны поможе.

И к Выреви блѣху пришли Аепи и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идо^х со Улгомъ и з дѣтми на нь, и ѡни ѡчитивше бѣжаша.

И пото^м к Мьньску ходихо^м на Глѣба, ѡже ны блше люди запаль, и Бѣны поможе, и створихо^м свое мышленое.

И пото^м ходихо^м къ Володимерю на Юрославца, не терпаче злобъ ѡго.

Хронологическая путаница возникла в результате неумелого внесения в текст редакторской вставки. Виновником этой путаницы, скорее чем автора «Поучения», следует признать выполнявшего его указания писца («технического редактора» Мономаха, см. о нем выше, § 7)⁶. Дополняя автобиографи-

⁶ Поскольку точно разделить компетенции «литературного» и «технического» редактора не всегда удастся, мы будем иногда говорить просто о «редакторе», памятуя, однако, о принципиальной двойственности этой роли.

ческую часть «Поучения», этот писец располагал, с одной стороны, перечнем походов (в котором Мономахом могли быть отмечены места вставок), а с другой — отдельно записанными под диктовку Мономаха текстами этих вставок. В данном случае, чтобы правильно произвести редактуру, он должен был заменить краткое упоминание похода 1107 г. [72] распространенным текстом [65—70], т. е. переписать текст вставки после известия о походе на Урусобу [71] и не переписывать фразу о походе на Боняка к Лубну [72]. Вместо этого он сделал вставку перед записью о походе на Урусобу, а последующий текст переписал без изменения. Чтобы замаскировать редактуру, создав иллюзию связности текста, писец добавил в конце вставки слова *Прише^т из Ростова*, парадоксальным образом связав поход на Урусобу 1103 г. с возвращением Мономаха из Ростова в 1108 г.

Вполне вероятно, что в зоне «С2» имеются и другие следы редактирования первоначального перечня. Такое подозрение падает в первую очередь на фразу [75], которая, в отличие от других пунктов этой части перечня, имеет специальную «экспозицию», излагающую причины похода. Примечательно, что в этой экспозиции говорится о приходе половцев к Вырю, тогда как в сообщении о походе в качестве его цели указан Ромен. Ср. сообщение о том же походе в ПВЛ под 1113 г.: *слышавше же Половиць смерть Стѣполчу и совокутивше сѧ и придоша къ Выры. Володимеръ же совокутивъ сны свои и сыновиць, иде къ Выру...* [Ипат., л. 102 об.]. Такое же расхождение мы только что наблюдали между двумя дублирующими друг друга упоминаниями о походе на Боняка в 1107 г., где в одном случае в качестве географического ориентира указан Коснятинь, а в другом — Лубно. Все это дает основание предполагать, что во вспомогательном перечне «путей» этот пункт был сформулирован более кратко, примерно так: **[И пакы] къ Ромьноу идохъ съ Улгомы и съ дѣтьми*. Характерно, что, как и в случае с походом 1107 г., фрагмент, возводимый к вспомогательному перечню, указывает в качестве ориентира более крупный населенный пункт (Ромен ~ Лубны), тогда как текст, появившийся при редактировании, содержит более точное указание (Вырь ~ Коснятинь).

§ 19. Фрагменты тех же двух типов — перечень путей и связный рассказ о событиях — представлены и в зоне «С1». Формальные признаки, которые мы считаем характерными для вспомогательного перечня, здесь «в чистом виде» демонстрируют отрезки [38—43] и [54—58]. Можно предположить, что эти фрагменты были без изменений перенесены в «Летопись» из перечня, тогда как остальной текст этой зоны отредактирован или полностью написан в 1117 г.

Подтвердить это предположение позволяет анализ формул божественного покровительства, которым Мономах в «Летописи» нередко объясняет свои успехи. Чаще всего эту функцию выполняет формула *Бъ ны поможет*. Пять из восьми ее употреблений сосредоточены в зоне «С2», где данная формула один раз выступает в тексте вставки [68] и четырежды — в основном перечне «путей» [71—73, 76]. Таким образом, на данном участке эта формула является нейтральным средством указания на успех похода.

За пределами зоны «С2» эта и аналогичные формулы представлены только три раза. Два примера приходятся на рассказ о походе к Прилуку [34—37], отделяющий зону «В» от зоны «С», и описание перехода из Чернигова в Переяславль [46—51]. Оба эпизода не только резко выделяются на окружающем фоне своей подробностью, но и демонстрируют одинаковое обыгрывание дневных дат (*И заутра на Г^ѣ жинь днь идох^ѣ к Бѣлѣ Вежи, и Бѣ ны поможє и стѣга Бѣга* [37]; *И внидох^ѣ на стѣга Бориса днь ис Чернигова ... Бѣ и стѣги Борисъ не да имъ мене в користь* [51]), что делает несомненной принадлежность их одному и тому же текстовому пласту.

Неординарен и третий пример, выступающий в контексте, непосредственно продолжающем рассказ о переходе в Переяславль: *И сѣдѣхъ в Переяславли Г^ѣ лѣта и Г^ѣ зимы и с дружиною своею, и многы бѣды притах^ѣ ѿ рати и ѿ голода. И идох^ѣ на вои ихъ за Римовъ, и Бѣ ны поможє: избиша и, а другита поимаша. И пакы Итлареву чадѣ избиша, и вежи ихъ взлх^ѣ, шедше за Голтавомъ* [52—54].

Останавливает на себе внимание сочетание *на вои ихъ* во втором предложении. Хотя понятно, что имеются в виду половцы, синтаксическая ущербность фразы заставляет предполагать какое-то искажение текста. Логика развертывания текста восстанавливается, если изменить порядок следования фраз, перестроив их следующим образом: **И пакы Итлареву чадѣ избиша, [и идох^ѣ на вои ихъ за Римовъ, и Бѣ ны поможє: избиша та, а другита поимаша]; и вежи ихъ взлх^ѣ, шедше за Голтавомъ*⁷. Этот порядок мог быть нарушен только по одной причине: если заключенная в скобки фраза [53], содержащая интересующий нас оборот, представляла собой добавление к первоначальному перечню, по ошибке внесенное писцом в текст чуть раньше, чем это было предусмотрено Мономахом.

Можно понять, отчего произошла эта ошибка. Предыдущая фраза о трехлетнем сидении в Переяславле [52] выглядит очень «литературно» (*...и многы бѣды притах^ѣ ѿ рати и ѿ голода*) и, скорее всего, завершала текст вставного рассказа о переходе в Переяславль. Очевидно, в записи вставок, которые писец должен был внести в текст, ее продолжала фраза *И идох^ѣ на вои ихъ...*, которую писец и переписал вместе с предыдущим текстом. С похожей ошибкой писца, осуществлявшего редактуру, нам пришлось столкнуться и в зоне «С2».

В тех же фрагментах зоны «С1», которые по формальным признакам могут быть возведены к первоначальному перечню, формула *Бѣ ны поможє* отсутствует, даже там, где речь бесспорно идет об успешных военных предприятиях (см., в частности, [41, 42]). Это позволяет видеть в данной формуле текстовую приметку продолжения перечня, созданного в 1117 г., относя ее использование в «Летописи» до рубежной фразы *Се нынѣ иду Ростову* за счет произведенного тогда же редактирования текста.

⁷ С историко-географической точки зрения такая перестановка кажется вполне допустимой: Римов, как принято считать, находился на Суле, т. е. между Переяславлем (где совершилось избиение Итларевой чады) и Голтвой.

Рассмотрим теперь заключительный фрагмент зоны «С1», представляющий особый интерес, поскольку именно в нем содержится важнейшая для датировки памятника фраза:

⁵⁵*И Стародубу идохом на Волга, зане сѧ блѧше приложилъ к половцеѧ.*

⁵⁶*И на Бѣ идохом с Стополком на Болѧка за Рось.*

⁵⁷*И Смоленску идохом, с Дѣдмь смириवेशѧ. ⁵⁸Паки идохом другое с Вороницѣ.*

⁵⁹*Тогда же и торци придоша ко мнѣ ис половецъ и Читѣвичи, идохом противу имъ на Сулу.*

⁶⁰*И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, ⁶¹и по ·Г· зимы ходихом Смоленску.*

⁶²*И се нынѣ иду Ростову.*

Считая (как это делает И. М. Ивакин), что походы Мономаха перечислены здесь в хронологической последовательности, их можно выстроить в следующий ряд. Первые два похода на основании ПВЛ надежно датируются 1096 г. Поход в Смоленск после примирения с Давыдом практически единодушно связывается исследователями с решениями Любечского съезда 1097 г.⁸ Вторая поездка в Смоленск (*другое с Вороницѣ*) имела место, видимо, зимой 1098/1099 г.⁹ Упоминаемый далее поход на Сулу можно в таком случае датировать 1099 г., названную за ним поездку в Ростов — зимой 1099/1100, а три последующих поездки в Смоленск — соответственно зимами 1100/1101, 1101/1102 и 1102/1103. Путь к Ростову, о котором Мономах говорит в настоящем времени, И. М. Ивакин, исправляя фразу указанным выше образом, считает прямым продолжением поездки в Смоленск (*и-Смольньска идохъ Ростову*); как самостоятельная поездка этот путь может быть, в рамках данной схемы, датирован самое раннее зимой 1103/1104 г.

Существенно иначе понимает текст Б. А. Рыбаков. Фразу *и по ·Г· зимы ходихом Смоленску* он трактует как «продолжение того суммарного счета, которым обозначено и сидение в Переяславле, т. е. три года было проведено безвыездно на юге, а на протяжении трех последующих лет по зимам (когда собирают дани) Владимир ездил в Ростов и в Смоленск» [Рыбаков 1963: 271]. Если эта фраза действительно суммирует уже упомянутые поездки в Смоленск и Ростов (путь в который также лежал через Смоленск), то *нынѣ иду Ростову* могло быть написано зимой 1100/1101 гг.

Обе точки зрения предполагают, что перед нами однородный по происхождению текст. Между тем анализ структуры нарратива на данном участке

⁸ Особняком и здесь стоит мнение С. В. Цыба [1995: 134], считающего, что имеется в виду примирение с Давыдом Игоревичем в 1099 г. Справедливую критику этой точки зрения см.: [Хрусталева 2002: 104].

⁹ Правильную трактовку этой фразы дает И. М. Ивакин [1901: 200]: «Думаю, что „другое“, т. е. в другой раз после Любечского съезда (значит, в 1098 г.), Мономах отправился в Смоленск тоже на зиму». Смысл наречия *другое*, указывающего на *вторую* поездку в прямо не названный здесь Смоленск, ускользнул от последнего комментатора этого фрагмента Д. Г. Хрусталева [2002: 103—104], в хронологических расчетах которого этот «путь» Мономаха вообще отсутствует, отчего хронология следующих путей оказывается смещенной на один год (поездка в Ростов датируется зимой 1098 г. и т. д.).

«Летописи» свидетельствует об обратном. Начало фрагмента [54—58], как уже было сказано, демонстрирует все признаки простого перечня; специфичным для него, но тем не менее полностью вписывающимся в ту же модель является преобладание в качестве коннектора одиночного *и*. Иначе построены фразы [59—61]. Первая вводится необычным *тогда же*, более в «Летописи» не встречающимся, но структурно близким оборотам типа *тогда же лѣтъ*, представленным только в зонах «А» и «В». Необычна для перечня и «экспозиция» фразы, напоминающая [75], где, как мы предположили выше, аналогичная экспозиция появилась при редакции; отметим также, что упоминание полков Читеевичей содержательно связывает эту фразу с пунктом [31] в зоне «В». Фразу [60] выделяет из общего ряда наличие в ней указания на время (*на зиму*), связывающего ее с [61] (*и по ·Г· зимы*). С другой стороны, вводящий ее «сдвоенный» коннектор *и потомъ пакы*, не представленный более в зонах «А»—«С1», дважды встречается в зоне «С2» [72, 74]. Что же касается фразы [61], то она, будучи «сцеплена» с [60] упоминанием зимы (... *на зиму, и по ·Г· зимы...*), в то же время, по справедливому наблюдению Б. А. Рыбакова, переключается с [52], а также с [26] в зоне «В».

Если, таким образом, фрагмент [59—61] не принадлежал вспомогательному перечню, то как он соотносится с предыдущим и последующим текстом? Ответ на этот вопрос подсказывает комментарий И. М. Ивакина, согласно которому поход Мономаха на Сулу [59] «был не после, а до пути в Смоленск — он [Мономах.— А. Г.] пошел туда, уладив свои дела на Суле» [Ивакин 1901: 200]. Это предположение верифицируется идентификацией Вороницы с селом Воронинцы на р. Слепород, неподалеку от Сулы [Там же]¹⁰. Наши наблюдения над структурой текста позволяют полностью согласиться с такой трактовкой, признав, что фраза [59] сообщает о том же походе, который в скрытой форме упомянут в предыдущей фразе. Начало вставки, таким образом, компенсировало чрезмерную лапидарность вспомогательного перечня.

Рассуждая далее в том же ключе, следует предположить, что и фраза [60] содержательно дублирует один из пунктов вспомогательного перечня, а именно рубежную фразу [62] *И се нынѣ иду Ростову*. Очевидно, что грамотно произведенная редакция должна была бы с необходимостью изменить настоящее время этой фразы на прошедшее, и то, что в «летописи путей» она читается в первоначальном виде, может объясняться лишь редакторским недосмотром. С однотипной ошибкой мы столкнулись в зоне «С2», где новое описание похода на Боняка в 1107 г. должно было заменить упоминание о нем во вспомогательном перечне, но в результате это последнее оказалось переписано вместе с текстом вставки.

Таким образом, интересующий нас фрагмент перечня «путей» мог первоначально иметь следующий вид:

¹⁰ Несмотря на это, Д. С. Лихачев в своем комментарии отмечает, что «местоположение Вороницы не ясно» [ПВЛ 1996: 526], а словарь летописных географических названий южной Руси [Стрижак 1985] даже не включает ее в свой словарь.

⁵⁷И Смолиньску идохо^ѣ, с Дѣдмь смирившес.л.

⁵⁸Паки идохо^ѣ другое с Вороницѣ.

⁶²И се нынѣ иду Ростову.

В отредактированном тексте «Летописи» этот фрагмент оказался разорван вставкой фраз [59—61], частично дублирующих его содержание. В результате хронология походов была спутана. Об одной и той же поездке в Ростов оказалось сказано дважды — второй раз после упоминания трех поездок в Смоленск, совершенных после нее.

Точно восстановить хронологию походов, упоминаемых в этой части «Летописи», по-видимому, нереально, но если брать самые ранние возможные даты, то картина выглядит следующей: две поездки в Смоленск — зимы 1097/98 и 1098/99 гг. (в промежутке между ними — поход на Сулу (к Воронице)); поездка в Ростов — зима 1099/1100 г.; три поездки в Смоленск — зимы 1100/01, 1101/02, 1102/03 гг.

§ 20. Специфичный для зоны «В» оборот *на ту зиму (осень, весну)* — лишь одна из хронологических формул, в изобилии представленных на данном участке текста. Временные указания имеются при всех названных здесь походах, кроме [28]. В этом отношении к зоне «В» примыкает, составляя с ней единое целое, рассказ о походе на половцев за Супой к Прилуку и Белой Веже [33—37]. Обращают на себя внимание общие черты в построении этого рассказа и открывающего зону «В» рассказа о разгроме половцев на Десне и под Новгородом-Северским [24—25]: упоминание имен неизвестных по другим источникам половецких князей и загадочных *семцов*. Сходны и формы указания на время (*на заоутрѣ* ~ *заоутра*), а оборот *тоя ночи* без ожидаемого *же* напоминает характерную для зоны «В» формулу *на ту зиму*.

Все это позволяет рассматривать зону «В» (вместе с рассказом о походе к Прилуку и Белой Веже, т. е. отрезок [24—37]) как отредактированный и дополненный в 1117 г. текст — в отличие от начала зоны «С1» [38—43], воспроизводящего текст вспомогательного перечня в исходном виде.

Понимая таким образом устройство текста на данном участке, можно предложить объяснение для еще одной загадки «Летописи». Мы имеем в виду три упоминания о контактах Мономаха с Ярополком, два из которых находятся в зоне «В» [28, 32] и один — в зоне «С» [43]. Первый раз Мономах упоминает о Ярополке в связи с погоней за «Изяславичами», в которых исследователи единодушно видят Ростиславичей, выгнавших весной 1084 г. Ярополка из Владимира-Волынского [ПВЛ 1996: 87]. В том же году Мономах, согласно ПВЛ, «посади Ярополка Володимери», чему, очевидно, и предшествовала встреча с ним на Бродах. Однозначно трактуется и третье сообщение: речь безусловно идет о восстановлении Мономахом Ярополка на владимирском столе незадолго до его смерти в 1086 г.

Попытка прочесть текст, разделяющий эти два сообщения, как хронологически последовательное описание походов Мономаха наталкивается на непреодо-

лимые препятствия. Второе сообщение о встрече Владимира с Ярополком, оформленное с особой торжественностью (*и любовь велику створихо*¹¹), не вписывается в исторический контекст междукняжеских отношений этих лет, каким его — вполне последовательно — изображает ПВЛ. Цепочка хронологических указаний, связывающих это известие с упоминанием первой встречи (*на ту весну — том же лѣтѣ — на ту осень — на ту зиму*), преподносит события как совершившиеся в пределах одного года, заставляя относить вторую встречу с Ярополком к зиме 1084/1085 г. Доверяя этой схеме, И. М. Ивакин предположил, что Мономах в 1084 г. дважды встречался с Ярополком, причем после первой встречи Ярополк почему-то остался в Польше и только после второй вернулся на Русь¹¹. Непонятные причины этого промедления — не единственное, что смущает в таком объяснении. «Великой любви» между Владимиром и Ярополком должно было предшествовать размирье. Оно и в самом деле имело место, однако уже после возвращения Ярополка на Русь в 1084 г. Согласно ПВЛ, вернувший себе владимирский стол при помощи Мономаха Ярополк сразу же стал замышлять против Всеволода, чем вызвал на себя поход Владимира, от которого и бежал в Польшу. Об этом походе в «Автобиографии» не упоминается — как отмечает Д. С. Лихачев, «Мономаху важно было подчеркнуть свои добрые отношения с Ярополком» [ПВЛ 1996: 524]. Примирение Ярополка с Мономахом и его очередное возвращение во Владимир — это уже предмет третьего сообщения. К чему в таком случае относится второе?

С другой стороны, доверяя внутренней хронологии «летописи путей», мы должны были бы предположить, что все пять походов на половцев, перечисленные во фрагменте [38—44], имели место в течение одного года — с осени 1085 г. (которой при таком подходе приходится датировать победу при Белой Веже) по осень 1086 г. (смерть Ярополка), что маловероятно.

Выход из положения заключается, на наш взгляд, в том, что встреч Мономаха с Ярополком было в действительности не три, а две, причем вторая, имевшая место в 1086 г., оказалась описанной дважды — в зонах «В» и «С1», между которыми имеется частичное хронологическое наложение. Действительно, указание *на ту зиму* во втором сообщении вполне соответствует времени второго посажения Ярополка во Владимире (за «мало дней» до его смерти 22 ноября 1086 г., см. [ПВЛ 1996: 87]), тогда как слова о «великой любви» хорошо подходят к ситуации преодоления конфликта.

Таким образом, временные рамки зоны «В» и начального фрагмента зоны «С» отчасти пересекаются. Можно представить себе, каким образом возникло это пересечение. Выйдя за пределы периода, описанного в исходном тексте «Поучения» (т. е. зоны «А»), редактор оказался один на один с лишенным хронологических указаний вспомогательным перечнем «путей». Желая не

¹¹ Д. С. Лихачев [ПВЛ 1996: 524] приписывает И. М. Ивакину представление о дублировке между первым и вторым сообщениями о встречах Мономаха с Ярополком. Это недоразумение: согласно Ивакину, встреч было три.

только дополнить этот текст подробностями наиболее важных походов, но и как-то организовать его во времени, он часть известий опустил, а оставшиеся связал обладающей внешним правдоподобием цепочкой хронологических указаний. В том, что хронологическая связность изложения может быть в «летописи путей» иллюзией, создаваемой редактурой, мы уже имели возможность убедиться на примере с Урусобой, поход против которого 1103 г. Мономах, согласно «Летописи», совершает в 1108 г., «пришедъ из Ростова».

Дойдя до похода к Прилуку и Белой Веже и описав его, редактор, видимо, осознал неудобства избранной тактики и просто переписал далее «пути», не вместившиеся в связное изложение; вместе с этими «отходами» зоны «В» оказалась переписана и первоначальная запись о втором посажении Ярополка во Владимире и его смерти¹².

Специально остановимся на важном следствии, вытекающем из только что сказанного для трактовки одного из наиболее дискуссионных мест «Летописи» Мономаха, каким является начало фразы [33]: *И на весну посади мѧ ѡць в Переяславли передъ братьею...* С. М. Соловьев [1988: 677] полагал это место испорченным на том основании, что ко времени, о котором здесь идет речь, Мономах уже сидел в Чернигове, занимавшем в иерархии княжеских столов более высокое место, чем Переяславль. Поддержавший его И. М. Ивакин исправляет *посади* на *посла* (эту конъектуру разделяет и Л. Мюллер [Muller 2001: 353], тогда как Е. Ф. Карский [ПСРЛ 1962: 248] задается вопросом: не следует ли вместо *передъ братьею* читать: *передъ ратию*? Против этих попыток справедливо выступил Д. С. Лихачев. Чтение Лаврентьевской летописи он объясняет, исходя из засвидетельствованной в XII в. практики занятия переяславского стола предполагаемым кандидатом на киевский стол после его освобождения: «Переяславль — это своеобразное „преддверие Киева“... Под „братьею“ Мономах разумеет, очевидно, всех русских князей. Вероятно, он хочет подчеркнуть, что был посажен отцом в Переяславле, чтобы облегчить ему занятие киевского стола после смерти Всеволода, и выделен тем из всех русских князей, поставлен впереди всех русских князей» [ПВЛ 1996: 524].

В трактовке Д. С. Лихачева данное известие оказывается, вообще говоря, одним из самых ярких свидетельств существования на Руси в эту эпоху практики десигнации — передачи власти в обход традиционной системы престолонаследия. Показательно, однако, что А. В. Назаренко, посвятивший порядку престолонаследия на Руси X—XII вв. специальное исследование [Назаренко 2000], вообще не упоминает этого эпизода; молчат о нем и другие исследователи. Причина этого очевидна: в ситуации 1085—1086 гг., предшествовавшей

¹² О том, что исходным «материалом» для зоны «В» послужил перечень типа представленного во фрагменте [38—44], свидетельствует фраза [28] (*И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохо^{ст} ихъ*), единственная, лишенная хронологического указания и как будто выхваченная из данного фрагмента. Особенно характерно отсутствие в этой фразе глагола — в исходном перечне опущенный глагол (*гонихомъ*), видимо, заключался в предыдущей фразе (ср. [38—40]).

смерти Ярополка, попытка десигнации Владимира Всеволодом не находит себе места и выглядит неправдоподобной — настолько, что это заставляет предлагать конъектуры для абсолютно ясно читаемого пассажа.

Развиваемое нами представление об устройстве текста «Летописи» снимает исторические препятствие к принятию точки зрения Д. С. Лихачева. Оно позволяет датировать акт Всеволода весной 1087 г., связав его, с одной стороны, со смертью Ярополка (прямым следствием которой он, очевидно, и был), а с другой — с переходом в следующем 1088 г. Святополка из Новгорода в Туров [ПВЛ 1996: 88]. Получение Владимиром вдобавок к черниговскому столу еще и переяславского княжения выглядит при этом одним из звеньев политического процесса, вызванного смертью старшего Изяславича.

§ 21. Движение от конца «Летописи» к ее началу возвращает нас к зоне «А», текст которой, согласно нашей гипотезе, составляет, вместе с описанием охот Мономаха, «ядро» автобиографической части «Поучения». Этот предварительный вывод нам теперь предстоит уточнить, ответив на вопрос: однороден ли по своему происхождению текст зоны «А», или же редакторские вставки 1117 г. имеются и здесь? Такая постановка вопроса, на наш взгляд, обладает значительной объяснительной силой.

Общепризнанно, что первый самостоятельный поход юного Владимира в Ростов «сквозь вятичѣ» имел место осенью 1068 г., когда, после киевского восстания 15 сентября, Всеволод с сыном должны были искать убежища в своих окраинных владениях. Следующий однозначно датируемый «путь» — это поход Мономаха в Польшу, упомянутый в Повести временных лет под 1076 г. [ПВЛ 1996: 85]. Относительно датировки «путей», названных между двумя этими походами, мнения расходятся. Исследователи XIX — первой половины XX в. более или менее равномерно распределяли эти «пути» в указанном временном промежутке. Однако пошедший наперекор традиции В. А. Кучкин [1971] предположил, что все они имели место в течение короткого времени с конца 1068 г. по лето 1069 г.

Особый интерес для нас сейчас представляет фрагмент [3—6], следующим образом прокомментированный В. А. Кучкиным: «Датировка второго „пути“ Мономаха концом 1068 — началом 1069 г. вполне объясняет, почему с юным княжичем действовал служивший Изяславу Ставко Скордятич. Отец Мономаха Всеволод бежал после 15 сентября 1068 г. из Киева вместе с Изяславом. Судя по тому, что Всеволод пошел в Курск и направил сына в Ростов, князья рассчитывали не отсидеться от половцев в удельных центрах, а собрать там новые войска. В таких условиях помощь подростку Мономаху (ему было тогда 14 лет) со стороны опытного боярина, который представлял интересы действовавшего заодно с Всеволодом Изяслава, была вполне уместна. Владимир и Ставко удалось собрать какую-то дружину. С частью ее Ставко присоединился к Изяславу и ушел, как давно догадывался Соловьев, в Польшу. Часть же дружины осталась у Мономаха, и, видимо, с нею он несколько позднее охранял Берестье. Посылка его туда двумя братьями также вполне объясняется

обстановкой на Руси в конце 1068 — начале 1069 г., когда, после бегства Изяслава, в русских землях остались только два сына Ярослава Мудрого: Святослав и Всеволод» [Кучкин 1985: 30—31].

Восстанавливается, таким образом, следующий ход событий. Из Ростова Мономах осенью-зимой 1068—1069 г. отправляется в Смоленск со Ставком Гордятиничем и где-то на пути встречается с Изяславом; далее Ставко Гордятинич отправляется с Изяславом через Берестье в Польшу, а Мономах продолжает свой путь в Смоленск. Сразу отметим некоторую странность этого маршрута: кратчайший путь из Ростова в Берестье лежал через Смоленск, и не очень понятно, где должен был Мономах, направлявшийся из Ростова в Смоленск, встретить Изяслава, чтобы затем их пути разошлись указанным образом. Изложенное понимание дела вызывает и другие вопросы.

К кому относятся слова *a мене посла Смолиньску*? Синтаксически субъект у *посла* должен быть тот же, что и у *отиде*, т. е. Ставко Гордятинич. Однако, как справедливо заметил И. М. Ивакин [1901: 147], «трудно допустить, чтобы боярин (каковым, наверное, был Ставко), воевода Всеволодов ли, Изяславов ли — все равно, мог послать не только князя, но и княжича, куда бы то ни было». Маловероятно сам по себе, такой смысл кажется вдвойне неуместным в контексте данного эпизода «Поучения», призванного продемонстрировать самостоятельность автора, проявляющуюся им с младых ногтей. По мнению И. М. Ивакина, «направить Мономаха в Смоленск мог только Изяслав» [Там же]. Однако и в этом случае возникает вопрос: почему Владимир, посланный в Ростов Всеволодом, действует далее, подчиняясь воле Изяслава и в сопровождении его воеводы? И что делает сам Всеволод Ярославич, пока его четырнадцатилетний сын пересекает просторы Руси с северо-востока на юго-запад в условиях военной опасности? Отсиживается в Курске?

Предложение Ивакина неприемлемо и в языковом отношении. Приводимые исследователем примеры из «Поучения», оправдывающие трактовку форм *отиде* и *посла* как относящихся к разным лицам, не достигают своей цели, так как все представляют собой случаи «цепного нанизывания» относительно самостоятельных предикативных единиц, осуществляемого при помощи союза *и*. Между тем союз *a*, если за ним не следует новое подлежащее, регулярно соединяет в книжных текстах только однородные сказуемые, обозначающие действия одного лица (ср. далее в «Летописи»: *разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь ѡт ѡхотѣ* [23]; *избиша и, а иньти поимаша* [53] и др.). Нужно признать, что, вопреки логике вещей, логикой грамматики в Смоленск Мономаха посылает именно Ставко Гордятинич. Точнее — то лицо, о котором выше сказано: *то и пакы ѿиде к Берестю со Изяславомъ*.

До сих пор, как кажется, ни у кого из исследователей не возникало сомнений в том, что к Берестью с Изяславом отправился Ставко Гордятинич. Эта уверенность во многом поддерживалась трактовкой отрезка *то и пакы* как содержащего форму им. ед. муж. указательного местоимения *тѣ* (> *тыи* > *тои*). Характерен комментарий к этому месту И. М. Ивакина [1901: 151]: «Той — конечно, Ставко, но почему сказано *и пакы*?». С этим

согласен А. С. Орлов [1946: 141] и современные переводчики «Поучения» (Д. С. Лихачев [ПВЛ 1996: 240]: ‘который затем пошел к Берестью с Изяславом...’; Л. Мюллер [Müller 2000: 351]: ‘Dieser wiederum zog mit Izjaslav fort nach Brest...’). Между тем в Лаврентьевской летописи данная форма местоимения нигде более не выступает не только в виде *тои*, но и в виде *тыи* — она записывается только как *ть* или, с прояснением редуцированного, *то*¹³; с другой стороны, синтаксически здесь следовало бы ожидать не *ть*, а *онъ*, как в следующем контексте: *а на другую зиму с Стополкомъ подъ Полтескъ, ѡжгоша Полтескъ, ѡнъ иде Новугороду, а та с половци на Удрьскъ воюя, та Чернигову* [16, 17]. Все это заставляет видеть в рассматриваемой фразе не местоимение *тои*, а один из случаев употребления характерного для зоны «А» союза *то и*. Таким образом, подлежащее при *отиде* отсутствует точно так же, как и при *посла*, хотя грамматически оно здесь требуется, ср. *ѡнъ иде* в только что приведенной фразе.

Все эти грамматические и смысловые неувязки, порождаемые традиционным пониманием текста, заставляют внимательнее присмотреться к фразе: *И пакы ѡвѣ к Смолинъску со Ставкомъ с Кордѣтичемъ*. Употребленное здесь наречие *второе* формально коррелирует с *первое*, открывающим «летопись путей». Но в отличие от *первое*, совсем не обязательно требующего продолжения нумерации (ср. употребление его Мономахом в начале «княжеского зерцала»: *Первое, Ба дѣла и дѣла своѣта, страѣ имѣте Бѣи в срѣци своѣмъ...*), *второе*, записанное к тому же цифрой, такое продолжение предполагает. Между тем ожидаемых «3-е», «4-е» и т. д. мы далее не находим. Похоже, что, задумав дать нумерованный перечень своих путей, Мономах (или его «технический редактор») затем отказался от этого намерения. Важно только понять, к какому этапу работы над текстом относится этот незавершенный замысел.

Как уже говорилось, синтаксический каркас зоны «А», пределами которой мы ограничиваем исходный вид «летописи путей», создает повторение союзов *та* и *то и*, сообщающее изложению особую динамичность. На этом фоне «путь» к Смоленску со Ставком Гордятиничем с его изолированным номером выглядит инородным вкраплением, попыткой перестроить начало автобиографии на новых основаниях. Исключив эту фразу, мы получаем предельно ясный по структуре и содержанию текст: **Первоѣ к Ростову идохъ сквозѣ Валтичѣ: посла ма ѡцѣ, а самъ иде Курьску; то и пакы ѡиде к Берестю со Изяславомъ, а мене посла Смолинъску*.

Эта операция самым решительным образом меняет привычное представление о ходе событий осени-зимы 1068—1069 гг. Оказывается, что поход к Берестью с Изяславом и посылка Мономаха в Смоленск были действиями не Ставка Гордятинича, а самого Всеволода, что более чем естественно: первые

¹³ Формы им. ед. муж. *тыи*, *тои*, вызванные аналогией со стороны членных форм прилагательных, нехарактерны и для других древнерусских памятников северо-восточного происхождения, представляя собой инновацию преимущественно западного распространения (см. примеры в [Шахматов 1957: 176]).

два «пути» Мономаха предстают таким образом как проделанные им по указанию отца и скоординированные с перемещениями самого Всеволода. Из охваченного восстанием Киева Всеволод направляется в Курск, посылая сына еще дальше на северо-восток — в Ростов; затем сам Всеволод (очевидно, собрав войско в Курске) отправляется с Изяславом к Берестью, приказав Владимиру двигаться также в западном направлении — к Смоленску. Этот второй путь Мономаха из Ростова в Смоленск, проделанный со Ставком Гордятиничем (очевидно, боярином Всеволода, а не Изяслава), и оказался продублирован сделанной в иной манере вставкой.

Сделав этот вывод, можно по-новому понять и продолжение текста [5—7]: *То и-Смолинська идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестию брата на головнѣ, иде блѣху пожгли, то и ту блюдь городъ тихъ, та идохъ Перегиславлю ѿю*. Новейшие исследователи и комментаторы «Поучения» единодушно утверждают, что названные здесь братья — это Святослав и Всеволод и что в Берестье Мономах был послан ими после того, как город подвергся нападению поляков. Представление о том, что Берестье сожгли поляки, нашло самое яркое выражение в коньктуре И. М. Ивакина, предложившего вместо *иде блѣху пожгли* читать *иде блѣху ляхове пожгли*. Примечателен комментарий исследователя к этому месту: «Выжечь город в случае начатия военных действий дело, конечно, обычное в те времена (да и только ли в те?), но пылкие ляхи, видимо, занимались этим особенно усердно — иной раз даже во вред себе» [Ивакин 1901: 151]. С легкой руки Ивакина «пылкие» *ляхове* прочно утвердились в изданиях «Поучения», а факт сожжения ими Берестья навсегда вошел в историю города (см., например: [Лысенко 1985: 21]). Д. С. Лихачев, приняв коньктуру И. М. Ивакина, в комментарии к этому месту задается вопросом: «Почему и когда поляки могли пожечь Берестье?» [ПВЛ 1996: 522]. На наш взгляд, вопрос следует ставить иначе: кто пожег Берестье?

Предложенная выше трактовка первых двух путей Мономаха позволяет предположить: Берестье было выжжено отправившимися туда Изяславом и Всеволодом, которые затем послали юного Мономаха охранять устроенное ими пожарище. Неупоминание имен братьев, пославших Мономаха в Берестье, странное при общепринятом понимании данного места, оказывается в таком случае совершенно естественным: ведь имена этих братьев были только что названы в связи с их собственным походом к Берестью (ср.: *то и пакы и ѿиде к Берестию со Изяславомъ ~ посласта Берестию брата на головнѣ*). Можно думать, что эта экспедиция носила карательный характер и была вызвана тем, что Берестье последовало за мятежным Киевом, отказавшись признавать власть Изяслава, которому по праву принадлежало. Роль, которую Мономаху, по поручению Изяслава и Всеволода, пришлось исполнять в Берестье (после того, как Изяслав ушел в Польшу за поддержкой, а Всеволод вернулся в Переяславль), заключалась не в защите города от внешнего врага, а в восстановлении внутреннего порядка после учиненного самими братьями разорения. На это вполне отчетливо указывают слова *блюдь городъ тихъ*. Анализируя летописное словоупотребление, легко

заметить, что *тишина*, в отличие от *мира*, устойчиво ассоциировалась с отсутствием усобиц и мятежей, а не внешних вторжений. Ср. примеры у Срезневского: *Оуста оусобица и м.атежь и бы^с тишина велика в земли Лавр., 1026 г.; Того же лѣта даль Богъ во Псковѣ хлѣбъ и все сполу дешево, а со всѣхъ сторонъ мирно и тишина велика Псков. I л., 1469 г.; повелѣ всадити ихъ въ порубѣ людии дѣла, абы утишилс.а м.атежь Лавр., 1177 г.*

Предлагаемое прочтение текста подтверждает, на наш взгляд, правоту В. А. Кучкина, относящего первые семь путей Мономаха ко времени с осени 1068 г. по лето 1069 г. Вместе с тем оно довольно существенно меняет представление об исторической ситуации этого драматического момента в истории Руси XI в., с которым совпало начало княжеской карьеры Мономаха.

§ 22. Продолжим разбор зоны А «летописи путей» с точки зрения возможного наличия в ней следов редактирования первоначального текста. Обратим внимание на необычный синтаксис фразы, сообщающей о посылке Мономаха в Берестье: *Тое же зимы то и посласта Берестию брата на головнѣ* [6]. В отличие от других случаев употребления союза *то и*, в этом контексте он не начинает синтагмы, но следует за хронологическим указанием *тое же зимы*. Это, вообще говоря, делает данный союз избыточным, поскольку функцию коннектора успешно выполняет само хронологическое указание. Видимо, имея это в виду, Л. Мюллер в новом немецком переводе «Поучения» членит текст иначе, относя *тое же зимы* к предыдущей фразе [Müller 2001: 351]. Однако подобные формулы, характерные, как уже говорилось, для языка летописания, всегда располагаются в начале фразы. Таким образом, как и *то и*, *тое же зимы* претендует на первую позицию в синтагме, из чего можно заключить, что одна из этих связей представляет собой редакторскую вставку. Учитывая уже неоднократно отмеченную органичность *то и* контексту зоны «А», таковой следует признать *тое же зимы*. По-видимому, отказавшись от попытки «пронумеровать» свои походы, Мономах, редактируя текст, решил все же внести в него некоторые хронологические уточнения, используя с этой целью формулы «летописного» типа.

Подтверждение этому находим и в [14]: *а и-Смолинська тои же зимѣ та к Новгороду на весну Глѣбови в помочь*. Поскольку речь здесь явно идет об одном походе («к Новгороду на помощь Глебу»), хронологические указания *тои же зимѣ* и *на весну* дублируют друг друга. При этом второе органично вплетается в общую нарративную схему зоны «А» (ср. прямое продолжение фразы: *на лѣ^с со шѣмъ подѣ Полтескъ*, а также *ѣтуда пакы на лѣ^сто Володимерю шп.а^ть...*, а *на весну та Перетиславлю*), тогда как *тои же зимѣ* и здесь занимает не свойственную таким оборотам позицию в середине фразы. То же можно сказать и относительно четвертого случая употребления данной формулы в зоне «А»: *То и пакы ходихомъ том же лѣ^с со шѣмъ и со Изславомъ битъс.а Чернигову с Борисомъ* [20]. Следует полагать, что в обоих случаях, как и в рассмотренном выше, мы имеем дело с «уточняющими» редакторскими вставками. Аномальное на фоне стандартного летописного употребления расположе-

ние оборота объясняется тем, что его приходилось вставлять в уже готовую синтаксическую структуру с занятой первой позицией.

Тот факт, что три из четырех представленных в зоне «А» формул «летописного» типа обнаруживают так или иначе свое позднейшее происхождение, позволяет отнести на счет редактирования и наиболее важный второй пример: *И в то же лѣтѣ и дѣтѣ сѣ роди старѣишее новгородское* [11]. В отличие от других случаев здесь, по-видимому, вставкой следует признать всю фразу, которая и в других отношениях выглядит аномально. Во-первых, она резко выделяется на фоне перечисления путей Мономаха своим содержанием (ср. упоминание о семейных делах Мономаха в имеющем также вставное происхождение фрагменте [65—70]). Во-вторых, продолжающее фразу *та ѿтуда Турову* никак с ней не связано и имеет смысл лишь как продолжение текста, прерванного вставкой: *ходивъ за Глоговы, до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ ·дѣ· мѣсѣци, ... та ѿтуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову*. Вполне возможно, впрочем, что вставкой является и указание на четыре месяца, которые продолжался поход (ср. повтор *ходивъ за Глоговы... ходивъ в земли ихъ...*), и что первоначальный текст имел вид: **ходивъ за Глоговы, до Чешьскаго лѣса, та ѿтуда Турову*.

Помимо уже указанных, вероятными вставками в первоначальный текст представляются также фрагменты [18] и [19]. При том, что характерные для зоны «А» союзы *та* и *то* и в этих фрагментах отсутствуют, оба они используют одну и ту же модель с глаголом *прити* (*накы и-Смолинська къ ѿцю притѣ* [18], *И накы и-Смолинська же притидь...* [19]). Не представленная более в зоне «А», эта модель дважды встречается между тем во фрагменте зоны «С2», признанном нами дополнением 1117 г. (*Переяславлю притидь... Притидь из Ростова...* [67, 71]. Фрагмент [18] выделяется в зоне «А» и содержательно: путь из Смоленска в Чернигов важен не столько сам по себе, сколько как повод для упоминания пира в честь Олега и переданных отцу 300 гривен золота.

§ 23. Результатом нашего анализа зоны «А» является следующая реконструкция исходного вида «летописи путей» в составе ПВМ1 (в квадратных скобках указаны места вставок):

*А се вы повѣдаю, дѣти мои, трудъ свои, ѿже сѣ ѿсмь тружалъ, пути дѣти и ловы ·гѣ· лѣтѣ. Первое к Ростову идохъ сквозѣ Вѣтичѣ: посла мѣ ѿцѣ, а самъ иде Курьску; [...] **то и** накы и ѿиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолинську; *то и-Смолинська идохъ Володимерю; [...] **то и** посласта Берестию брата на головнѣ, иде блѣху пожгли, **то и** ту блюдь городъ тихъ, **та** идохъ Переяславлю ѿцю, а по Велицѣ днѣ ис Переяславлѣ **та** Володимерю на Сутеиску мира творить с Лѣхы, ѿтуда накы на лѣто Володимерю ѿплатъ.**

***Та** посла мѣ Стѣславъ в Лѣхы, ходивъ за Глоговы, до Чешьскаго лѣса, [...] **та** ѿтуда Турову, а на весну **та** Переяславлю, таже Турову. И Стѣславъ оумре, и тазъ накы Смолинську, а и-Смолинська [...] **та** к Новгороду на весну Глѣбови в помощь, а на лѣтѣ со ѿцѣмъ подѣ Полтескъ, а на другую зиму с Стѣпол-*

комъ подѣ Полтескъ, ѡжгоша Полтескъ, ѡнѣ иде Новугороду, а та с половици на Удрьскѣ воюя, **та** Чернигову.

[...] **То** и пакы ходихомъ со ѡцѣмъ и со Изаславомъ битьсѧ Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Улга, и пакы идохомъ^{сѧ} Переяславлю и стахомъ^{сѧ} во ѡбровѣ. И Всеславъ Смолнескъ ѡжъже, и азъ всѣдѣ с черниговци ѡ двою коню, и не застахомъ^{сѧ} въ Смолиньскѣ. Тѣмъ же путе^{сѧ} по Всеславѣ, пожегъ землю и повоевавъ до Лукамла и до Логожьска, **та** на Дрьютьскѣ воюя, **та** Чернигову.

А и-Щерьнигова до Кыева нестишь ѡзди^{хѣ} ко ѡцѣю, днемъ есмь переѡздишь до вечерни. А всѣ^{хѣ} путии [...] велики^{хѣ}, а прока не исполню менши^{хѣ}.

Реконструируемый текст невелик по объему и хорошо вписывается в общую композицию первоначального «Поучения». Кроме объявленного рассказа о «путях», он не содержит никакой «лишней» информации (вроде сообщений о рождении Мстислава или черниговском обеде в честь Олега). «Пути» не перечисляются подряд, но образуют цепочки, охватывающие несколько наиболее насыщенных походами лет жизни автора в период с 1068 по 1078 г. Выделяется три таких последовательности практически равной длины. Первая называет походы с осени 1068 г. по лето 1069 г. и рисует впечатляющие своим размахом перемещения только что вступившего во взрослую жизнь Владимира. Вторая, отделенная от первой шестилетним интервалом, описывает «пути», совершенные автором в промежуток между осенью 1075 г. и весной 1078 г. Третью последовательность, которую от второй отделяют весна-лето 1078 г., составляет описание похода, с которым связано вокняжение Мономаха в Чернигове (битва на Нежатиной ниве 8 октября 1078 г.), а также первых походов Владимира в качестве черниговского князя. Этот цикл, как и предыдущий, завершается возвращением в Чернигов, что позволило автору, через упоминание многочисленных поездок из Чернигова к отцу (в Переяславль), выйти на подведение общего итога своих «великих» и «малых» путей.

§ 24. Подытоживая наши наблюдения над «Автобиографией» Мономаха, историю этого текста в составе «Поучения» можно реконструировать следующим образом.

Автобиографический рассказ о «путях и ловах» присутствовал уже в исходном варианте «Поучения» (ПВМ1), написанном по пути в Ростов зимой 1099/1100 или 1100/1101 г. Описание «путей» первоначально представляло собой сжатый рассказ о трех «циклах» походов, предпринятых Мономахом с 1068 по 1078 г., т. е. с начала его княжеской карьеры по год вокняжения в Чернигове. Указывалось также общее число походов, совершенных автором к моменту написания «Поучения». Для этого Мономахом был составлен вспомогательный перечень «путей», в котором походы перечислялись по отдельности и без каких-либо хронологических указаний.

На втором этапе работы Мономаха над «Поучением», следовавшем вскоре за первым, на обратном пути из Ростова, в текст было внесено описание встречи на Волге с послами братьев, однако «летопись путей», по видимому, затронута не была.

наславлѧ та Володимерю на Сутеиску мира творить с Лѧхы, ⁹ѿтуда паки на лѣто Володимерю ѡплатъ.

¹⁰Та посла мѧ Стославъ в Лѧхы, ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ ·д· мѣсѧци. ¹¹И в то же лѣтѣ и дѣтѧ сѧ роди старѣишее новгородское. ¹²Та ѿтуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

¹³И Стославъ оумре, и назъ паки Смолинску, ¹⁴а и-Смолинска тои же зимѣ та к Новгороду на весну Глѣбови в помочь, ¹⁵а на лѣтѣ со ѡцѣмъ подѣ Полтескъ, ¹⁶а на другую зиму с Стополкомъ подѣ Полтескъ, ѡжгоша Полтескъ, ¹⁷ѡнѣ иде Новгороду, а на с половци на Удрьскѣ воюа, та Чернигову.

¹⁸И паки и-Смолинска къ ѡцю придо^х Чернигову, и Улегъ приде, из Володимерѧ выведенъ, и возва^х и к собѣ на ѡбѣдѣ со ѡцѣмъ в Черниговѣ на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ ѡцю ·т· гри^ѣ золота.

¹⁹И паки и-Смолинска же пришедъ, и проидо^х сквозѣ половечьскыи вои быасѧ до Переяславлѧ, и ѡца налѣзохъ с полку пришедше.

²⁰То и паки ходихомъ том же лѣтѣ со ѡцѣмъ и со Изаславомъ битѣсѧ Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Улга, ²¹и паки идохо^м Переяславлю и стахо^м во ѡбровѣ.

²²И Всеславъ Смолнескъ ѡжже, и азъ всѣдъ с черниговци ѡ двою коню, и не застахо^м въ Смолинскѣ. ²³Тѣм же путе^м по Всеславѣ, пожегъ землю и повоевавъ до Лукамлѧ и до Логожьска, та на Дрюютьскѣ воюа, та Чернигову.

²⁴А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахо^м князи Асадука и Саоука, и дружину ихъ избиша.

²⁵И на заоутреѣ за Новымъ Городемъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечии ¹⁴ полонъ весь ѡтѧхо^м.

²⁶А въ вѣтичи ходихо^м по двѣ зимѣ на Ходоту и на сѧа ѣго, ²⁷и ко Корьдну ходихъ ·а·ю зиму.

²⁸И паки по Изаславичихъ за Микулинь, и не постигохо^м ихъ. ²⁹И на ту весну къ Юрополку совкуплатѣсѧ на Броды.

³⁰Том же лѣтѣ гонихо^м по половъцихъ за Хороль, иже Горошинъ взѧша.

³¹И на ту ѡсень идохо^м с черниговци и с половци с Читѣвичи к Мѣнску, излѣхахо^м городъ, и не ѡставихо^м оу него ни челадина ни скотины.

³²На ту зиму идохо^м къ Юрополку совокуплатисѧ на Броды, и любовь велику створихо^м.

³³И на весну посади мѧ ѡцѣ в Переяславли передѣ братьею, и ходихо^м за Супой. ³⁴И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно половечьскѣ князи ·й· тысячь, и хотѣхо^м с ними ради битисѧ, но ѡружье бѧхомъ оуслали напередъ на повозѣхъ. ³⁵И внидохо^м в городъ, толко семцю наша ѡдиного живого, ти смердъ нѣколиво, а наши ѡнѣхъ боле избиша и изымаша. ³⁶И не смѣша ни конѧ поати в рудѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. ³⁷И заоутра на Гѣжинѣ днѣ

¹⁴ Такое словоделение, предполагающее наличие в тексте словоформы вин. ед. м. *семечии* (прилагательное к *семьца* [35]), кажется предпочтительным по сравнению с вариантами *се мечи* и *полонъ* [ПСРЛ 1962: 248] и *семечи* и *полонъ* [ПВЛ 1996: 102]. Относительно возможного значения др.-р. *семьца* см.: [Гиппиус 1997].

идохо^м к Бѣлѣ Вежи, и Бѣ ны поможе и стѣна Бѣа: избиша ·Ц· половець, и два князѣ наша, Багубарсова бра^т, Асинѣ и Сакзѣ, а два мужа толко Ѹтекоста.

38И потомъ на Стославль гонихо^м по половци^х, 39и потомъ на Торческый городъ, 40и потомъ на Гюргевь по половци^х.

41И паки на тои же сторонѣ оу Красна половци побѣдихо^м. 42И потомъ с Ростиславом же оу Варина вежѣ въздохо^м.

43И пото^м ходивъ Володимерю, паки Кюрополка посади^х, и Кюрополкъ оумре.

44И паки по ѡтни смѣрти и по Стополцѣ на Сулѣ бившесѣ съ половци до вечера, быхо^м оу Халѣпа, 45и пото^м миръ створихо^м с Тугорканомъ и со инѣми князи половецьскими, и оу Глѣбови чади подохо^м дружину свою всю.

46И пото^м Улегъ на мѣ приде с половецьскою землею к Чернигову, и бишасѣ дружина моя с нимъ ·И· днии ѡ малу (греб)лю, не вдадуче имъ въ ѡстрогъ.

47(Съ)жаливѣси хѣъаны^х дѣшъ и селъ горѣши^х и монастырь, и рѣхъ: «не хвалитисѣ поганы^м», и вдахъ брату ѡца своего мѣсто, а самъ иде^х на ѡца своего мѣсто Перенаславлю. 50И внидохо^м на стѣго Бориса дѣнь ис Чернигова, и вѣахо^м сквозѣ полкы половецьскы не въ ·Р· дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И ѡблизахутсѣ на на^к акы волци стоѣще и ѡ перевоза и з горѣ. 51Бѣ и стѣи Борисъ не да имъ мене в користь, неврежени доидохо^м Перенаславлю.

52И сѣдѣхъ в Перенаславли ·Г· лѣта и ·Г· зимы и с дружиною своею, и многы бѣды приахо^м ѡ рати и ѡ голода.

53И идохо^м на вои ихъ за Римовъ, и Бѣ ны поможе: избиша и, а другина поимаша.

54И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ въздохо^м, шедше за Голтавомъ.

55И Стародубу идохо^м на Волга, зане сѣ блѣше приложилъ к половецѣ^м.

56И на Бѣ идохо^м с Стополко^м на Бонѣака за Рось.

57И Смолинску идохо^м, с Дѣдмѣ смирившесѣ.

58Паки идохо^м другое с Вороницѣ.

59Тогда же и торци придоша ко мнѣ ис половець и Читѣевичи, идохо^м противу имъ на Сулу.

60И потомъ паки идохо^м к Ростову на зиму, 61и по ·Г· зимы ходихо^м Смолинску.

62И се нынѣ иду Ростову.

63И паки с Стополко^м гонихо^м по Бонѣацѣ, но ли ѡли оубиша, и не постигохо^м ихъ.

64И пото^м по Бонѣацѣ же гонихо^м за Рось и не постигохо^м ѣго.

65И на зиму Смолинску идохъ. 66И-Смоленска по Велицѣ дѣни выидо^х, и Гюргева мѣти оумре. 67Перенаславлю пришедъ на лѣ^т, собра^х бра^тю. 68И Бонѣакъ приде со всѣми половеци къ Кснѣатиню, идохо^м за не ис Перенаславля за Сулу, и Бѣ ны поможе, и полкы ихъ побѣдихом, и князи изымахо^м лѣпшии. 69И по Ржѣтвѣ створихо^м миръ с Апою, и поимъ оу него дщерь, идохо^м Смоленску. 70И пото^м иде^х Ростову.

71Прише^т из Ростова, паки иде^х на половеци, на Оурубубу, с Стополко^м, и Бѣ ны поможе.

72И пото^м паки на Бонѣака к Лубьну, и Бѣ ны поможе.

73И пото^м ходихо^м в воину с Стополко^м. 74И пото^м паки на Донъ идохо^м с Стополко^м и с Дѣдмѣ, и Бѣ ны поможе.

75И к Выреви блѣху пришли Аепа и Бонѣкъ, хотѣша взати, и ко Ромну идо^х со Улгомь и з дѣтми на нь, и они очитивше бѣжаша.

76И пото^х к Мѣньску ходихо^х на Глѣба, ѡже ны бѣше люди зааль, и Бѣ ны по-
може, и створихо^х своеѣ мышленое.

77И пото^х ходихо^х къ Володимерю на Юрославца, не терпаче злюбь его.

78А и-Щерънигова до Києва нестишь ѣзди^х ко ѡцю, днемь есмь переѣздить до
вечерни. 79А всѣ^х путии ·п̄· и ·г̄· велики^х, а прока не испомню менши^х.

80И мировь есмь створиль с половечьскими князи безь ѡдиногю ·к̄·, и при
ѡци, и кромѣ ѡца, а даа скота много, и многы порты своѣ. 81 И пустиль есмь
половечскы^х князь лѣпши^х изь ѡковь толико: Шаруканѣ ·в̄· брата, Багубарсо-
вы ·г̄·, Увчины бра^тѣ ·д̄·, а всѣ^х лѣпши^х князи инѣхъ¹⁵ ·р̄·, а самы князи Бѣ
живы в руцѣ даа. 82 Коксусь с снѣмь, Аклань Бурчевичь, Таревьскыи князь Аз-
гулуи, инѣхъ кметии молоды^х ·е̄· — то тѣхъ, живы ведь, исѣкъ, вметахъ в ту
рѣчку, въ Славли. 83 По череда^х избьено не съ ·с̄· в то времѣ лѣпши^х.

84А се тружахъсѣ ловы дѣа, понеже сѣдо^х в Черниговѣ, а и-Щернигова выше^х,
и до (се)го лѣта. 85По сту оуганиваль (Бѣ)имь¹⁶ даро^х, всею силою, кромѣ иногю
лова, кромѣ Турова, иже со ѡцѣмь ловиль ѣсмь всѣкъ звѣрь.

86А се в Черниговѣ дѣаль ѣсмь: 87конь дики^х своима рукама свѣзаль ѣсмь въ
пуша^х ·ӣ· и ·к̄· живы^х конь, 88а кромѣ того иже по рови ѣзда, ималь ѣсмь свои-
ма рукама тѣ же кони дикиѣ. 89Тура мѣ ·в̄· метала на розѣ^х и с конемь, 90олень
мѣ ѡдинь боль, а ·в̄· лоси, ѡдинь ногами топталъ, а другыи рогама боль.

91Вепрь ми на бедрѣ мечь ѡтѣаль, 92медвѣдь ми оу колѣна подьклада оукусиль,
93лютыи звѣрь скочиль ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже. 94И Бѣ невре-
жена мѣ съблюде. 95И с конѣ много пада^х, голову си розби^х дважды, и руцѣ и
нозѣ свои вереди^х, въ оуности своен вереди^х, не блюда живота своегю, ни щада
голови своеа.

Литература

Гиппиус 1997 — А. А. Г и п п и у с. «Вожжей оленьих 28...» (Об одной число-
вой модели в древнерусских текстах) // Живая старина. 1997. № 3. С. 21—23.

Гиппиус 2002 — А. А. Г и п п и у с. О критике текста и новом переводе-рекон-
струкции Повести временных лет // Russian Linguistics. 26. 2002. P. 63—126.

Ивакин 1901 — И. М. И в а к и н. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1.
Почтение детям; письмо к Олегу и отрывки. М., 1901.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.,
1962.

Кучкин 1971 — В. А. К у ч к и н. «Почтение» Владимира Мономаха и русско-
польско-немецкие отношения 60—70-х гг. XI в. // Советское славяноведение. 1971.
№ 2. С. 21—34.

Кучкин 1985 — В. А. К у ч к и н. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские
отношения 60-х гг. XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 19—35.

¹⁵ Очевидно, описка, вместо *и нѣ съ ·р̄·* ('около ста'). См. ниже [83]: *не съ ·с̄·*.

¹⁶ Обоснование данной коньектуры см.: [Гиппиус 2002: 117]

Ларин 1975 — Б. А. Л а р и н. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1972.

Лысенко 1985 — Н. Ф. Л ы с е н к о. Берестье. Минск, 1985.

Назаренко 2000 — А. В. Н а з а р е н к о. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 500—519.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Орлов 1946 — А. С. О р л о в. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.

ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под. ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. / Подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.

ПСРЛ 1962 — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

Рыбаков 1963 — Б. А. Р ы б а к о в. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.

Соловьев 1988 — С. М. С о л о в ь е в. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. М., 1988.

Срезн.— И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1903.

Стрижак 1985 — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Видп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985.

Хрусталеv 2002 — Д. Г. Х р у с т а л е в. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.

Цыб 1995 — С. В. Ц ы б. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.

Шахматов 1916 — А. А. Ш а х м а т о в. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916.

Шахматов 1957 — А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Müller 2001 — Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum; Bd. 56). München, 2001.